

Завтра — 75 лет Театру имени Евгения Вахтангова

О твет заранее известен. Но ведь бывает же исключение? Мей это праздник отмечается завтра на Арбате, 26, в бывшем особняке Берга? Евгения Багратионовича Вахтангова и его студии? Нет, к сожалению, никто из них уже не остался в живых. Большие того, вряд ли здравствуют и пережившие зрители, собиравшиеся тогда, 13 ноября 1921 года, на представление «Чуда святого Антония».

Правда, кое-кто думает, что история вахтанговского театра началась не с пьесы Мориса Метерлинка, а со сказки Карло Гоцци. Ведь премьера «Принцессы Турандот» состоялась три месяца спустя — 27 февраля 1922 года — всего за три месяца до конца Вахтангова.

Подобные казусы известны: художественно-общественный театр в день своего открытия 14 октября 1898 года сыграл «Царя Федора Иоанновича», хотя на его занавесе до сих пор — даже после трагического разделения — по-прежнему гордо парит чеховская «Чайка»...

Когда у смертельно больного Вахтангова кто-то из репортеров спросил, в чем причина успеха «Турандот», Евгений Багратионович ответил коротко: «Угадана гармония». Мы еще вернемся к этому высказыванию Мастера. А пока я хочу повторить свой вопрос: чей же этот праздник мы будем отмечать завтра?

Люди моего поколения уже не застали на сцене Осипа Басова, Бориса Щукина, Василия Кудзу — непосредственных учеников Вахтангова. Зато мы видели их товарищей — Цецилию Манусову, Рубена Симонова, Анатолия Го-

ророва, Елизавету Алексееву, Анну Орлову, Марину Синальскую, Варвару Львову, Нину Руснову, Леонида Школатова, Иосифа Толчанова плюс пережившие сода из других театров значительное позднее поколение, зрелых артистов Михаила Астангова и Николая Платерова.

Наконец, мы имели возможность наблюдать за выходящими из Щукинского гнезда геницами Бориса Евгеньевича Захаров, которые затем переходили в театр под надежное крыло к другому верному ученику Евгения Багратионовича — к Рубену Николаевичу Симонову. Многие из них и сегодня остаются украшением вахтанговской труппы, их имена знает каждый, кто любит театр. Они и есть реальные наследники славы своих театральных родителей. Поэтому завтра мы будем отмечать их особый праздник, ибо без первых не было бы и вторых. Что верно, известно случаем, когда природа требует отклика. Но, похоже, у вахтанговского периода этот уже позади. Следом за «Без вины виноватыми» и «Пиковой дамой» Петра Фоменко, окрыленные успехом, они отважились вернуться в репертуар юбилейной афиши легендарного «Принцессы Турандот» Евгения Вахтангова, восстановленную в 1963 году Рубеном Симоновым с молодыми исполнителями. (Продолжу не путать с «Принцессой Турандот», возобновленной в 1991 году Гарри Чернышковым.)

Известно, что восстанавливать «Турандот» Р. Симонову помогали почти все здравствующие на тот момент первые исполнители. Роль передавалась из рук в руки. Однако, на мой взгляд, войти вторично в ту же реку спустя сорок лет тогда не удалось. Да, спектакль имел успех. И не только в Москве.

И во театре почему-то никто не заметил, как изменилась обстановка в стране. Кончилась голода, разруха, резкое разделение общества на бедных и богатых. Мы спокойно ходили по улицам. Никто не шутил о таких «престижных» нынче профессиях, как киллер, путана, ракетчик... Нам то и дело устраивали официальные государственные праздники по случаю революционных событий или ко дню рождения наших дорогих, горячо любимых вождей.

Подготовка к любому съезду партии, комсомола, пионеров, равно как и спортивные состязания, не говоря уже о Дне милиции или 8 Марта, обставлялись по всем правилам зрелищного искусства.

Чем-чем, а праздниками мы не были одевлены. Может быть, и потому «Принцесса Турандот» в 1963 году не произвела на современников такого впечатления, как в 1922-м? Праздников хватало и без них! Вспомните, чем обильно била «Принцесса Турандот» сам Вахтангов: «Глухая гармония».

Молодость не знает компромиссов. В 1963 году я был вполне моложе, чем сегодня. И потому без всяких обиняков нечто подобное опубликовал в «ВМ». На другой день — газета тогда выходи-

ла как Симоненко продолжал свой монолог. И тут я неожиданно понял, что Рубен Николаевич помнит, как я не спал. Но совершенно не договаривая, что и есть автор возмущающей посыл публикации.

Высказав редактору все, что он считал нужным и не получив взамен никаких обещаний, обещаний режиссер удержался там не менее пятидесяти часов: на исключительное искусство. На бывшие в те празднично-суровые времена никто не смел рассчитывать.

сомнительного цели? Что заставляло людей артистов пойти на такой позор?

У меня нет готового ответа. Я шел сейчас на «Турандот» по долгу профессии и единоверно не уважая ко всем поколениям вахтанговцев, независимо от того, были ли они приятны к этому спектаклю или нет. Но судя по тому, что актеры долго не могли начать представление из-за овалов зрителей, подобные же чувства пришли в зал не меня одного...

Конечно, я испытывал некоторые беспокойства: с годами никто не становится моложе. К тому же, напомню, я считал и продолжал считать, что в 1963 году гармония угадана не была. Откуда же ей взяться в 1996 году, если ее не оказалось еще в 1963-м?

Оказалось, что между 1922 и 1996 годами была большая точка соприкосновения, как между 1922 и 1963-м! Люди устали от лжи, насилия, страха, неуверенности в завтрашнем дне, от постоянной концентрации «левых» с еще более «левыми», не говоря уже о «правых». От кропотливости и демонстраций, призывных разговоров, удовлетворить непомерные амбиции тех, кто встал к власти, открыто заявлял: чем вам будет хуже, так и далее. Все забывают, как выглядели настоящие праздники. Никто гордо не смеется ни в кино, ни в театре, ни в жизни, а потребность во всем этом беззастенчиво сокращается...

И вот на этом фоне на сцене появился вахтанговский спектакль чуждым оказался вновь востребован самим временем. Ирония и патетика, изначально сплавленные режиссером в нем воедино, оказались как нельзя кстати. Они и создали ту особую атмосферу театрального праздника, ради которого наиболее преданные зрители до войны старались не пропустить ни одного представления сказки Гоцци.

А теперь и даже наоборот! — артисты очень волновались. Ведь сколько еще есть всевозможных недоделанных, готовых в любую минуту наброситься на кого угодно из темных поворотков с криками: «Ах, ах, ах! Ну, конечно, и так и так!»

Да Бог с ними, пусть себе бьются, на то они и бьются! Вам-то до них что за дело?

Тридцать четыре раза давали занавес — это что премьеры балетов? Так и сейчас, и даже в наши времена профессиональных клеваров, а здесь от счастья в буквальном смысле слова люди с трудом сдерживали слезы по

обе стороны рамы. Да и как было не плакать, если все играли, словно в первый и последний раз.

Если годы в буквальном смысле оказались не властны над вечной юностью, как сама Турандот, очаровательная Олимпиада Борисовна.

Если Василий Львовый выглядит сегодня куда более пылко влюбленным юношей, а уж думается так, словно окончил сейчас хореографическое училище.

Совсем «впал в детство» Панталоне Юрий Юрьевич — вот уже где нивелиность, о которой можно лишь мечтать!

А как лихо отплясывал Михаил Ульянов — Бригелла! Он тоже явно помолодел.

Людьми Максакова теперь за раз сыграла весь трагический женский репертуар — от Медии до Анны Карениной, приправив свою Адельму особым, вахтанговским юмором.

Александр Граве — Тарталья и Алексей Кузнецов — Турфальдино не просто бережно сохранили то, что не делали Николай Гриценко и Максим Греков, но и прибавили кое-что существенное от себя лично.

Евгений Федоров — Изамил, Анатолий Кашанский — Тимур, Олег Форостенко — Атурин, Иван Неклюдов — Скрипка, Инна Агашина — Зельма, Гарри Диван — Бахрах и безымянные мудрецы Дунаев вместе с ребятами Турандот, безусловно, внесли свою лепту в этот общий праздник Театра имени Евгения Вахтангова!

Борис ПОКОРОВСКИЙ
Фото В. ВЯТКИНА

Живая память

Проходит юбилейные дни нашего театра. Юбилей ведь это особое состояние и души, и творчества, и какой-то особый самоанализ и самоощущение. Актеры трудно судить, как он работает, если это хороший актер, он прекрасно понимает, что такое творчество — самоотдача, а не шумиха. Ведь театр — такое, что нас судят зрители. Ну, а когда предстоит оценить труд за 75 лет, то тут, вероятно, не обойдется только перебором имен, сыгранных спектаклей, удачных ролей и блистательных постановок. Театр — это не измеряется цифрами, это измеряется именами категориями. Одна из категорий — человеческие чувства. И эти чувства, я надеюсь, смогла соединить вместе с нами, вахтанговцами, так огромная аудитория, которая слушает Радио-1.

Радио-1 — это бывшее Всесоюзное радио, которое всегда отличалось особым вниманием и чутким ко всему тому, что мы называли художественным творчеством, искусством. Начиная с лета этого года — почти три месяца — Радио-1 проводило фестиваль, посвященный нашему юбилею. Это необыкновенно трогательно еще и потому, что, пожалуй, радио — единственное средство массовой информации, которое с такой трепетностью и интересом относится к истории вахтанговского театра. Где, когда и как смогли бы сегодня услышать люди, любящие театр, голоса Бориса Щукина, Цецилии Манусовой, Рубена Симонова... Почувствовать и пережить все то, что с такой колоссальной самоотдачей сделано корифеями вахтанговской сцены.

За эти месяцы прозвучало огромное количество лучших наших спектаклей, поставленных в разное время, начиная с 30-х годов, когда телевидения не было в помине. О нашей работе говорили лучшие театральные критики страны, у микрофона выступили наши ведущие актеры. Давно мы не были так обласканы вниманием. Спасибо!

Спасибо Радио-1 за память о том, что было сделано на вахтанговской сцене. За то, что с такой бережностью они относятся к этому бесценному сокровищу — своему театральному Золотому фонду.

МИХАИЛ УЛЬЯНОВ

Адельма — Л. Максакова,
Калаф — В. Лановой,
Турандот — Ю. Борисова

Бригелла — М. Ульянов,
Турфальдино — А. Кузнецов,
Тарталья — А. Граве,
Панталоне — Ю. Яковлев

ВОЙТИ В ОДНУ РЕКУ?

ла вечером — меня звали в редакцию на Чистые пруды. Я добтывался, что вызов этот не к добру. Но не мог понять, откуда именно подул ветер? Ведь я сразу, в одной статье, замесил на несколько академических театров, которые, как на грех, одновременно реанимировали свои когда-то знаменитые спектакли.

В назначенный час в «ВМ» являлся сам Рубен Николаевич, словно на дипломатический прием: безукоризненно белой краватной сорочке с бабочкой, в светлом мажорном и шелковом кашне.

— Вы знакомы? — интересуется редактор.

— Как же, как же, — дружески протягивает мне руку Симоненко.

— Слушаю Вас, чем обзаны? — говорит редактор.

— Я решил выразить свое неудовольствие по поводу вчерашней публикации. Ваш автор не видел спектакль Евгения Багратионовича хотя бы потому, что после войны он уже не шел. Как можно сравнить с тем, чего ты не знаешь? Или я не прав, Боря?

Не успел я что-то промолвить, и вот

Любой печатный орган, независимо от ведомственной принадлежности, был голосом, рупором правды. А спорить с партией с некоторых пор никто не решался...

Прошло 30 лет. Я несколько раз видел затем «Турандот» с теми же и новыми исполнителями. Но никогда не испытывал чувства ностальгии за ту свою давнюю статью. Любя вахтанговский театр, я и сегодня уверен в том, что нельзя бездумно, механически переносить спектакль из одного времени в другое — даже самый замечательный, был бы.

Но вот случилось чудо: с момента рождения вахтанговского оригинала минуло 74 года. Участники премьеры восстановления 1963 года давно уже расстались с «Турандот». Пять лет на Арбате шлест спектакль, который разве что названием связан с постановкой Вахтангова, хотя имя его и значится в афише.

Если бы не нынешний юбилей, кто знает, пришла ли бы в Блоску коммунистическая партия. И даже не столько шальной мысль, сколько то, давнюю, 1963 года постановку, затрепанную массу сил и средств ради весьма